

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ И СТРАТЕГИИ КОММЕМОРАЦИИ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Кризисное состояние российского общества в 80-90-е годы XX века вызвало существенную трансформацию социокультурных ценностей и стереотипов, сложившихся в рамках советской культуры. В числе прочего данный процесс активно затронул схемы социокультурной памяти. Б. Дубин отмечает, что инерция процесса «исторической самокритики» (1987 – 1991) существенно отражалась общественным сознанием еще на протяжении нескольких лет [3, 77]. Вторая половина 90-х демонстрирует своего рода «нормализацию истории» – процесс, активно проявившийся уже в 2000-х.

Под процессом «нормализации истории» мы в данном случае имеем в виду тенденцию к восстановлению привычных базовых схем интерпретации прошлого, минимализацию конфликтных интерпретаций знаковых исторических событий. В обществе преобладающей становится тенденция к восприятию прошлого как относительного однозначного – отметим, что такая тенденция свойственна именно для социальной рефлексии, где преобладает тенденция видеть интерпретационные схемы как однозначные, стремление «разводить» конфликтные оценки по разным уровням интерпретационных схем.

Общественное сознание, травмированное кризисом российского общества последних десятилетий XX века, стремится к гомогенизации «образов прошлого». Поскольку фактическая гомогенизация исторической памяти в современном обществе (при сложности его структуры) невозможна даже в первом приближении, данная цель достигается путем активизации тропов, где вербальное единство способствует минимизировать конфликтный потенциал расходящихся содержательных интерпретаций.

Л. Гудков фиксирует, что для позднесоветского и постсоветского общественного сознания «сложилась такая конфигурация значений войны, функциональный потенциал которой позволял ей быть уже почти формальным, “синтаксическим” регулятором или модальным оператором, упорядочивающим и организующим другие символические и ценностные структуры» [1, 53 – 54]. Некоторые из аспектов осмысления Великой Отечественной войны в общественном сознании могут быть получены через обращение к долгосрочным сопоставимым данным социальных наблюдений.

Статус и топос события в социальной памяти может быть, в частности, выявлен через анализ тех последствий Великой Отечественной войны, которые выделялись респондентами в опросах 1990, 2005, 2008 и 2010 годов (таб. 1, 2).

Таблица 1

Что бы Вы назвали самым значительным историческим следствием Второй мировой войны?
(сентябрь 1990, N=1520; в % к числу опрошенных) [1, 27]

Варианты ответов	%
Уничтожение гитлеровского режима	45
Создание системы международного сотрудничества и безопасности (ООН)	16
Укрепление сталинского режима	6
Создание мировой системы социализма	6
Укрепление позиций США на мировой арене	5
Затрудняюсь ответить	23

Таблица 2

В чем, по вашему мнению, состоят главные результаты победы во Второй мировой войне?
(N=1600; возможны несколько вариантов ответа) [4]

Варианты ответов	май 2005	апрель 2008	март 2010
Уничтожение гитлеровского режима	68	74	64
Освобождение европейских стран от немецко-фашистской оккупации	54	52	49
Торжество идей свободы, демократии, прав человека над фашистской идеологией, национальным угнетением	21	23	20
Мирное развитие и взаимное сближение народов Европы	23	20	22
Создание «социалистического лагеря»	16	17	11
Образование ООН	9	12	10
Усиление роли США в жизни и политике европейских стран	4	3	6
Расширение сферы влияния сталинского режима на страны Восточной Европы	7	7	4
Другое	1	2	2
Затруднились ответить	3	4	6

Несмотря на то, что данные опросов, приведенных в таб. 1 и 2, не могут быть сопоставлены непосредственно (в опросе 1990 г. требовалось

выбрать один вариант ответа, в опросах 2005, 2008 и 2010 г. можно было выбрать несколько вариантов ответа, отличается набор возможных вариантов ответа и конкретные формулировки близких по смыслу вариантов), тем не менее, некоторое сравнение возможно. Показательно, что на протяжении двух десятков лет однозначно превалирует оценка результата Второй мировой войны, обращенная в прошлое («уничтожение гитлеровского режима», «освобождение европейских стран от немецко-фашистской оккупации»), в то время как даже при ранжированном опросе перспективная оценка результатов остается второстепенной. Значимость победы определяется через то, над чем она была, а не тем, к каким результатам привела. Указанную интерпретацию подтверждают и данные ответов на вопрос: «Какие страны лучше всего сумели воспользоваться итогами Второй мировой войны» (таб. 3).

Таблица 3

Какие страны лучше всего сумели воспользоваться итогами
Второй мировой войны
(май 1991, N=1041; май-июнь 2001, март 2010, N=1600;
возможны несколько вариантов ответа)

Варианты ответа	май 1991	май- июнь 2001	март 2010
США	25	20	47
Советский Союз (Россия)	12	22	28
Германия	17	32	24
Великобритания	н/д	н/д	18
Франция	н/д	н/д	11
Япония	26	18	9
Китай	2	9	5
Затруднились ответить	34	21	23

Хотя к настоящему времени в общественных оценках успешность реализации победы Советским Союзом (Россией) существенно повысилась по сравнению с девяностыми, однако и в текущих опросах Россию не относят к странам, наиболее эффективно воспользовавшимся результатами победы. Подобные оценки подталкивают общественное мнение предпочитать интерпретацию, направленную в прошлое, перспективной значимости события.

Особая значимость Великой Отечественной войны связана, на наш взгляд, также и с тем, что она выступает одним из немногих исторических событий, активно присутствующих в коллективной памяти и имеющих однозначно позитивную оценку. Опросы общественного мнения показывают, что в социальной памяти прочно фиксируются только события XX века – предшествующие события мировой истории вовсе не

фиксируются, а знаковые моменты более отдаленного российского прошлого представлены немногочисленными персонами (Кутузов, Суворов, Александр Невский), практически отождествленными со своими киновоплощениями. История России до XX века воспринимается в качестве некой «предыстории», где исчезает хронологическое время и начинается некое недифференцированное прошлое. В подобной ситуации становится понятной сравнительная значимость победы в Великой Отечественной войне – едва ли не единственного события в отечественной истории XX в., имеющего одновременно общезначимость и безусловную позитивную оценку. Характерно, что с течением времени растет число респондентов, которые оценивают 9 мая как «народный праздник граждан России и стран бывшего СССР» (2010 - 31%, 2005 – 27%) [4]. Аналогичную роль в опросах общественного мнения 90-х годов играл, до некоторой степени, полет Гагарина, однако подобная оценка тесно связана с возрастом опрашиваемых – более молодые респонденты менее склонны высоко и эмоционально оценивать данное событие, что правомерно связывается с девальвацией полетов в космос и, соответственно, утратой ими символического характера [1, 25, прим. 4].

Таким образом, Великая Отечественная война выступает экстраординарным по значимости символическим событием, оказываясь едва ли не единственным исторически моментом, актуальным для общественной памяти и позволяющим бесконфликтно осуществить самоидентификацию с национальным прошлым. Данная ситуация сопряжена с феноменом «приватизации» Второй мировой войны – в официальной риторике, в используемых символах последняя фактически отождествляется с Великой Отечественной. Так, только 8% респондентов (опрос Левада-Центр, март 2010) согласились с суждением, что 9 мая является «праздником всех стран антигитлеровской коалиции», притом, что народным или государственным – т.е. заключенным в национальных рамках – его сочли 57 % из числа опрошенных [4].

Следует, однако, отметить и наличие тенденций иного рода, фиксируемых в опросах общественного мнения (таб. 4). Если вначале 90-х значительное число респондентов, отвечая на вопрос «Мог бы Советский Союз победить в войне без помощи союзников?», склонялось к негативному ответу, то в 1997 достигается максимальный показатель – 71% опрошенных полагал, что СССР мог бы достигнуть победы самостоятельно. Указанная тенденция сменяется противоположной – и опросы 2010 г. демонстрируют максимальное значение за все время наблюдений тех, кто считает победу без помощи союзников невозможной, и, соответственно, максимальное снижение числа тех, кто полагает, что Советский Союз победил бы в любом случае (тем не менее, число сторонников последней точки зрения по прежнему почти в два раза превышает количество респондентов, считающих противоположным образом).

Таблица 4

Как вы думаете, мог бы Советский Союз победить
в Великой Отечественной войне без помощи союзников
(1991 N=1041; 1997 N=1651, 2001, 2005, 2008, 2010 N=1600) [1, 30; 4]

Варианты ответа	май 1991	июль 1997	май-июнь 2001	апрель 2005	апрель 2008	март 2010
Думаю, что да	62	71	71	60	64	57
Думаю, что нет	26	21	21	32	26	30
Затрудняюсь ответить	12	8	8	8	10	13

Литература:

1. Гудков, Л.Д. Победа в войне: к социологии одного национального символа (1997) // Гудков, Л.Д. Негативная идентичность: Статьи 1997 – 2002 годов / Л.Д. Гудков. – М.: Независимое литературное обозрение; ВЦИОМ-А, 2004. – С. 20 – 58.

2. Гудков, Л.Д. Постсоветский человек и гражданское общество / Л.Д. Гудков, Б.В. Дубин, Н.А. Зоркая. – М.: Московская школа политических исследований, 2008. – 96 с.

3. Дубин, Б.В. Жить в России на рубеже столетий: Социологические очерки и разработки / Б.В. Дубин. – М.: Прогресс-Традиция, 2007. – 400 с.

4. К 65-летию победы в Великой Отечественной войне [Электронный ресурс] / Левада-Центр: Аналитический центр Юрия Левады. – Электрон. дан. – М.: Левада-Центр, 01.02.2010. – Режим доступа: <http://www.levada.ru/press/2010040102.html>

5. Образ врага [Сборник статей] / Сост. Л. Гудков. – М.: ОГИ, 2005. – 334 с.